

• Дом Пестеревых восстановили, а точнее — построили заново.

Ссылка обязательна

О чем вспоминаешь, приехав на открытие первого в России музея Иосифа Бродского

текст и фото Юрий ЛЕПСКИЙ

ПОЕЗД «МОСКВА-ВОРКУТА» прибывает в Коношу утром. Я выбрался из вагона и оглянулся по сторонам. Так, ничего особенного: грязь, снежок, двухэтажное здание вокзала вдалеке. На перроне пусто. Однако, меня встречали. Шофер помог дотащить сумку до машины. По лужам и ухабам мы добрались до здания районной газеты «Коношский курьер». Когда-то она называлась иначе — «Призыв» — и была знаменита тем, что напечатала аж два стихотворения Бродского. Он сам принес их тогдашнему редактору. Редактор «Призыва» совершил довольно смелый поступок, ибо автором этих стишков был туняец, находившийся в Коношском районе на принудительных работах по решению суда Дзержинского района города Ленинграда.

Спустя полвека ваш покорный слуга получил из Коноши приглашение на открытие первого в России музея поэта Иосифа Бродского в деревне Норинской Коношского района Архангельской области. Приглашение было с благодарностью принято, и вот теперь я иду по этим «бродским» местам в сопровождении опытейшего экскурсовода Надежды Ильиничны Ненашевой — заведующей туристическим центром районной библиотеки имени...? — правильно, имени Бродского.

Мне показывают деревянный дом, в котором когда-то располагалась редакция той самой газеты,

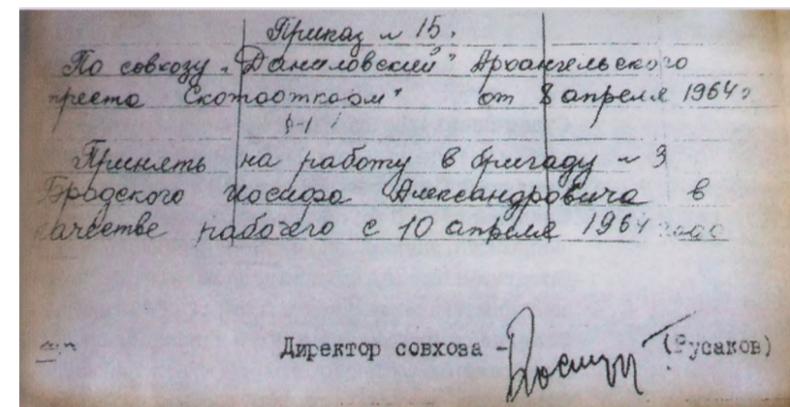
называвшейся «Призывом». Познакомьтесь, — говорят мне, — это дочь того самого редактора, который напечатал стихи Бродского.

А вот тут, — говорит мой гид, — Иосиф Александрович работал выездным фотографом. Это коношский комбинат бытового обслуживания. Здесь Бродский познакомился и подружился с Владимиром Черномордиком. Кстати, вам обязательно надо познакомиться с женой Владимира. Она до сих пор живет в Коноше. А вот здесь, — продолжает Надежда Ильинична, — дом, в котором помещалось тогда районное отделение милиции. В 1964 году начальником отделения был Василий Полихроневич Кузнецов. Он пожалел Бродского, который работал поначалу на лесоповале. Однажды он вызвал его в отделение, расстелил на столе карту района и сказал, чтобы Иосиф Александрович сам выбрал себе деревню на жительство, то есть на ссылку, дабы лес не валить, а заниматься посильным сельским хозяйством. Бродский внимательно оглядел карту и выбрал деревню Норинскую, поскольку жену его лучшего друга звали Галя Наринская.

Так, за разговорами мы миновали старую почту, откуда Бродский звонил в Ленинград, и подошли к зданию районной библиотеки, носящей его имя. Тут, надо сказать, всё подчинено этому имени: и шкаф с книгами, которые он читал, и шкаф с книгами о нём, и портреты на стенах, и целая инсталляция, названная «По-

• Тут он жил недолго, недели две.

• Так «туняец» Бродский начал работать.

этическим кристаллом». Меня как гостя из Москвы попросили прочитать под запись стихи Бродского для аудиофонда библиотеки...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ мы с Надеждой Ильиничной отправились в Норинскую (здесь принято и такое написание), где последовательно осмотрели дом Пестеревых, в котором, собственно и жил Бродский, который и представляет собой первый музей ему посвященный. Там в чистенькой светелке был накрыт стол с пирогами и прочей снедью: на открытие дома-музея ждали губернатора Архангельской области. И покуда губернатор был в пути, мы осмотрели дом Таисьи Ивановны Пестеревой, где поэт проживал в течение первых двух недель в Норинской. Этот замечательный старый дом купили бизнесмены Елена и Анатолий Мальцевы, тоже поклонники Бродского.

Осматривая все это, я наткнулся на одну из многочисленных ссылок, выставленных здесь: «Иосиф Александрович вспоминал о Норинской: «Это был один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и хуже, но лучше — пожалуй, не было». Всё, подумал я, пора выйти подышать свежим воз-

• Здесь он работал после работы.

духом. Я покинул дом-музей, прошел до шоссе мимо гигантского транспоранта «Норинская. Вдохновение Бродским», выбрался на середину пустынной дороги и огляделся.

Вокруг беззвучно замер пейзаж с умершей деревней, развалившимися домами, покореженными постройками, назначение которых теперь угадывалось с трудом. Три дома, превращенные в музей, стояли среди этого кладбища странными островами. Когда сюда приехал Бродский, здесь было сорок домов с людьми, совхоз, телятник и ферма. Деревня была живой. Теперь совхоза нет, нет и людей, разрушились дома, покинутые хозяевами...

Над Норинской ступились тучи, резко похолодало, что еще более усугубило печаль этого пейзажа. И вдруг на въезде в деревню раздалось характерное покрякивание и на приличной скорости в эту заглушающую небыть въехала бодрая машина ГИБДД, затем джип охраны с мигалкой и затем лимузин губернатора. Торжественное открытие музея Иосифа Бродского начиналось.

В какой-то момент мне захотелось сильно ущипнуть себя, чтобы прервать этот странный сон. Что, собственно, торжественно

• Ведро — типичное для архангельской деревни.

• Стол в избе накрыли, ждали губернатора.

и радостно мы здесь открываем, спросил я себя: дом, куда Бродский приезжал творить, уединившись от городской суеты или позорный для моего отечества факт ссылки большого поэта, его изощренное унижение ярлыком «туняедец», психушкой, несправедливым судом, тюремным заключением, принуждением к физическому труду, ограничением свободы? Что? И почему ни в библиотеке его имени, ни в доме-музее, ни в Норенской, ни в Коноше нет поразительных по степени хамства и невежества протоколов его допросов в Ленинградском суде?

Думаю, ответ на этот вопрос — в замечательной мемориальной доске, прикрепленной к стене Коношского вокзала: «Сюда осенью 1964 года прибыл в ссылку поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский». В этой «памятной» надписи почти всё неправда. И главная ложь в том, что «осенью 1964 года» сюда прибыл не поэт, а осужденный туняедец, и не лауреат Нобелевской премии (он получит нобелевку только через двадцать три года), а «окололитературный трутень».

Я понимаю, помнить именно об этом как-то не хочется. Но помнить надо именно об этом. Как нельзя забывать, что Михайловское — место позорной ссылки великого Пушкина, а Воронеж — унижение ссылчного Мандельштама. Что Якутская слобода Амга будет вечно «знаменита» ссылным Владимиром Коротким, сибирский Илимск шестилетнюю ссылку Александра Радищева, а деревня Пинега в той же Архангельской губернии «прославлена» ссылкой Александра Грина. Как нельзя забывать, что ярлык ссылного был приклеен навечно и к гениальному Достоевскому...

ТЕПЕРЬ ЖЕ Я ПОЗВОЛЮ СЕБЕ только напомнить то, что не следует забывать никогда и нигде, особенно в Коноше и Норенской.

• Эти бревна проживут еще долго.

Судья Савельева (обращаясь в Бродскому): А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт, поэт-переводчик.

Савельева: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. А кто причислил меня к роду человеческого?

Савельева: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Савельева: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал... я не думал, что это дается образованием.

Савельева: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... от Бога...

Савельева: Вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

Бродский: А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Савельева: Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет.

А вот и строки из приговора суда:

«Из справки Комиссии по работе с молодыми писателями видно, что Бродский не является поэтом. Его осудили читатели газеты «Вечерний Ленинград». Поэтому суд применяет указ от 4.5.1961 года: сослать Бродского в отдаленные местности сроком на пять лет с применением обязательного труда».

Вот как было дело. Вот что неплохо бы помнить, не забывать. Иначе, не приведи господь, снова поедут в «отдаленные местности» туняедцы, без соответствующего образования возмнившие себя поэтами. Вот уже в разогретых политикой головах возникают инициативы о возвращении статьи «за туняедство» в нашу повседневную жизнь. Я рад бы ошибиться,

• Норенская умерла: ни хозяйств, ни крестьян.

но мне кажется, что с судьей Савельевой многие согласились бы и сегодня...

Ну, а что же с Коношей и Норенской?

Ну, во-первых, я уверен, что надобно сказать огромное спасибо всем, кто и в Коноше, и в Норенской читает и любит Бродского. Это усилиями их умов, душ и умений здесь реально существует светлое облако уважения, знания и понимания подлинной поэзии. Прекрасные стихи Бродского учат коношские дети, осваивают взрослые, уважают местные чиновники. Спасибо губернатору Архангельской области Игорю Орлову за то, что помогает в создании музея, за то, что понимает, как это важно для людей — дышать настоящим искусством.

Здесь мне рассказали замечательную историю. Однажды в Коноше что-то случилось со светом (в смысле свет погас). И вот возмущенные жители стали звонить начальнику местных электросетей Александру Николаевичу Забродину и требовать ответа. Знаете, что отвечал на справедливые претензии граждан Александр Николаевич? Он говорил: «Вот вы возмущаетесь, а знаете, что Иосиф Александрович Бродский восемнадцать месяцев жил у нас без света — и ничего, стал гениальным поэтом».

Мне представляется весьма сомнительным, что хоть один из начальников районных электросетей Подмоскovie, например, знает, кто такой Бродский. А уж как его звали по имени-отчеству... Вот поэтому я с уважением и благодарностью отношусь к коношанам: сегодня по части знания Бродского и о Бродском они дадут сто очков вперед любой столичной штучке.

НУ, И НАКОНЕЦ, О ГЛАВНОМ - о Бродском.

Сюда к нему приезжали друзья, приезжала любимая. Но что он чувствовал, оставаясь один вечерами за столом со свечей или керосинкой? В одном из интервью он рассказал об этом так.

«Я выполнял всю физическую работу, которую обычно называют черной. При этом я воображал себя героем одного из стихотворений Роберта Фроста — и это мне нравилось. А если говорить всерьез, — я был тогда городским парнем и, если бы не эта деревенька, им бы и остался. Возможно я был бы интеллектуалом, читающим книги, — Кафку, Ницше и других. Эта деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарен КГБ, поскольку, когда в шесть утра идешь по полю на работу, и встает солнце, и на дворе зима, осень или весна, начинаешь понимать, что в то же самое время половина жителей страны, половина народа делает то же самое. И это дает прекрасное ощущение связи с народом. За это я безумно благодарен — скорее судьбе, чем милиции и службе безопасности. Для меня это был огромный опыт, который в каком-то смысле спас меня от судьбы городского парня».

Он был здесь полтора года, не оставив после себя ничего, кроме доброй памяти людей, с которыми был знаком, да замечательных стихов. Его гонители не оставили ни того, ни другого, ни здесь, ни в других местах. К несчастью или к счастью — это типичный результат, повторяющийся в родном Отечестве как припев в бесконечной песне, возвращающийся как мелодия в рондо: человеческого и творческий масштаб ссылного всегда грандиозен по сравнению с энтомологическими размерами сославшего его.

Теперь открыт этот музей, позволяющий вспомнить и тех, и других. Главным образом, конечно, поэта. Что замечательно. Жаль только, что, как и любая канонизация — эта ставит точку в человеческой истории, которая тут разыгралась когда-то.

Бродский, словно предвидев всё, спустя десять лет после ссылки написал: «А зимой там колют дрова и сидят на репе, / и звезда моргает от дыма в морозном небе. / И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли / да пустое место, где мы любили».

• Весточка из Норенской с маркой и спецгашением на конверте.